

М. М. Макарецев (Москва/Ольденбург)

МЕТАЯЗЫКОВОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ В СЛАВЯНСКОЙ РЕЧИ АЛБАНИИ¹

Метаязыковое комментирование в этнографическом и лингвистическом интервью тесно связано с проблематикой диалога/полилога, занимавшей важное место в работах Вяч. Вс. Иванова. Известно, что в интервью такого рода собеседник может выстраивать свою декларируемую идентичность с учетом коммуникативной ситуации, тематики разговора и динамики контекста, что оказывает влияние как на содержание нарратива, так и на подбор дискурсивных средств (Макарецев 2017). С этим связана проблема наблюдателя. Мы изучаем языковые и культурные практики через наблюдение и участие, но нам приходится считаться с неизбежным фактом: в нашем присутствии эти практики меняются. В частности, информанты часто сознают, что репрезентируют свое сообщество, и соответственно с этим выстраивают свой дискурс.

Существенно, что в случае лингвистического интервью язык является и темой разговора, и средством коммуникации, что создает потенциально конфликтную ситуацию между практикой и целью коммуникации для информанта: если целью коммуникации является представление идиома как обладающего определенными качествами (древность, чистота, правильность, похожесть/непохожесть на другие идиомы и т. д.²), то ряд явлений практики могут противоречить этим заявленным качествам (или, во всяком случае,

---

¹ Статья написана в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»).

² Ср. определение идентичности по М. Бухольц и К. Холл: «реализация культурного семиозиса, воплощаемая в производстве релевантных социополитических связей сходства и различия (*similarity and difference*), аутентичности и неаутентичности (*authenticity and inauthenticity*), легитимности и нелегитимности (*legitimacy and illegitimacy*)» (Bucholtz, Hall 2004: 382).

восприниматься информантом как противоречащие им). Кроме того, исследователь в большинстве случаев не связан с сообществом и является *чужим* — и эта чуждость в определенные моменты может актуализироваться.

Всё это имеет ряд следствий, отражающихся на выборе информантом тех или иных элементов языка в диалоге с исследователем. Существенным представляется разграничение плана содержания и плана выражения.

С точки зрения плана содержания можно выделить повторяющиеся темы, связанные с рефлексией над языком (собственно метаязыковое комментирование, проблематика которого активно разрабатывается в последнее время, см. Пилипенко 2017, с библиографией).

С точки зрения плана выражения можно определить дискурсивные средства, к которым в последнее время привлечено внимание ряда исследователей: (авто)исправления, слова-заполнители (*fillers*), междометия, нефонологические звуки и т. д. Например, так их комментируют М. Хаяси, Г. Реймонд и Дж. Сиднелл:

«Особый интерес к такого рода заминкам (*troubles*) в коммуникации восходит к убеждению в том, что они предполагают (или раскрывают) аутентичную реальность, кроющуюся за поведением, обусловленным практикой, или в том, что они представляют собой “окно” в мир мышления или в глубины личности, идентичности и социальных связей, в других случаях скрытые социальными нормами, опытом или вежливостью» (Hayashi, Raymond, Sidnell 2013: 1) ³.

Промежуточное место между планом содержания и планом выражения занимают формульные выражения. С одной стороны, они состоят из значащих единиц языка, это часто целые высказывания. С другой стороны, они входят в инвентарь средств структурирования дискурса.

В настоящей статье я хотел бы остановиться на некоторых дискурсивных средствах метаязыкового комментирования, которые используются разными группами славянского населения Албании и связаны с ситуацией

---

³ ‘The perception that such troubles are special derives from a belief that they entail (or reveal) an authenticity obscured by more “practiced” behavior, or that they offer a window into the mind, or the depths of personhood, identity, and social relations, otherwise obscured by socialization, experience, or politeness’.

языковых контактов. Славянское население гетерогенно по языку и религии. Его представители, часто внутри одного речевого сообщества (*speech community*), ориентируются на разные стандартные славянские языки (Макарец 2018). Это создает ситуацию, в которой особую важность при общении с не-членами сообщества приобретают вопросы идентичности. В то же время разнородность и разобщенность славяноговорящих групп в Албании, отсутствие коммуникации между ними задают вариативность способов метаязыкового комментирования в типологически схожих ситуациях.

В работе эта вариативность будет прослежена через ключевые точки, на основании ряда примеров из моей полевой работы в Албании. Примеры (1–2) взяты из полуструктурированных интервью на разные темы. Пример (3) — из интервью по этнолингвистической программе для изучения балканославянского ареала (Плотникова 1996). Примеры (4–9) — работа по опроснику в иллюстрациях «Frog where are you» (Mayer 1969, см. описание опросника в Strömqvist, Verhoeven 2004).

МЕТАЯЗЫКОВОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ЯЗЫКОВЫЕ НОМИНАЦИИ

Оставляя за пределами анализа метаязыковые высказывания (перечисление характеристик собственного языка и других языков, рассказ о языковой ситуации и т. д.), я хотел бы начать с прямых языковых номинаций. Они представляют собой декларацию языковой и связанной с ней культурной идентичности, в данном случае — локальной. Она часто задается через практику *различения* (*distinction* — Bucholtz, Hall 2004): свое определяется через не-свое. Хотя эти высказывания могут иметь свободную форму, их структура обусловлена целью высказывания — назвать свой язык, что предопределяет их однотипность у членов разных сообществ (такого рода коммуникативной цели по определению соответствует конечный набор возможных высказываний: «я говорю на языке X», «мой язык — X» и под.). Это придает им вид формулы, хотя они и возникают *ad hoc*:

- (1) EM: I mi dojde tua eden od Skopja, eden maž, mlad bje <...> i bje na porti, ustana, i mi reče toj: “Zborviš maķedonski ti?” — “Nje, **jeskaj zborvam kajnas, ne zborvam maķedonski**”, mu rekoj jeskaj. “Šo esti kajnas?” — “**Kajnas esti jezik**” <...>. I reče: “Ti mor, ti nesi boboštjenka, ti nesi albanska, ti

esi maķedonska”. — “Nje, jeskaj nesam maķedonska, jesam albanska, toko origjinata naša esti bulgaro-slave, nje maķedonski, bulgaro-slave”. — “Nje, zborvaš janglāš”. — “Nje, ne zborvam janglāš jeskaj”. — “A kombēsijata?” — “Kombēsijata albanska”.

И ко мне приехал один мужчина из Скопье, молодой. И он встал в дверях и спросил: “Ты говоришь по-македонски?” — “Нет, я говорю на кайнас, я не говорю на македонском, — ответила я. — Что такое кайнас?” — “Кайнас — это язык”. И он сказал: “Ты — не бобоштенка, ты не албанка, ты — македонка”. — “Нет, я не македонка, я албанка, только наше происхождение — болгаро-славянское, не македонское, а болгаро-славянское”. — “Нет, ты ошибаешься”. — “Нет, я вовсе не ошибаюсь”. — “А по национальности ты кто?” — “По национальности я албанка” (Полевые материалы автора (ПМА) Бобошница: 2010) ⁴.

Здесь информантка эксплицитно, через номинацию определяет и язык, на котором она говорит, и свою национальную принадлежность. Такого рода высказывания, с одной стороны, лежат на поверхности, но с другой — часто ситуативны и не могут быть достаточными для суждений о самоидентификации идентичности интервьюируемых. Так, когда в 2017 году я посетил ту же информантку со студентами из Летней школы в Конице, среди которых был македонец, она несколько раз уточнила, что язык, на котором говорили в селе, — македонский. Это затрагивает ряд вопросов, связанных с позициональностью: идентичность одного из исследователей влияет на то, как декларируют свою идентичность информанты. Отметим также, что для такого рода высказываний, конечно, существенно наличие «чуждого» (внешнего человека, исследователя), поскольку в повседневной коммуникации между *своими* необходимость в назывании языка общения не возникает. Если же его нужно как-то обозначить, то часто используется номинация «наш язык», «говорить по-нашему» (это очень

⁴ Пример опубликован в (Макарцев 2011), но в данном случае нас интересует не содержание примера и его связь с идентичностью конкретной группы, а формула как пример языковой номинации. Данные информантов приводятся в конце статьи. Все примеры расшифрованы и переведены мною, в примерах из Бобошницы ударение отмечено, если оно падает на любой иной слог, кроме предпоследнего. Курсивом отмечены случаи переключения кода на албанский язык; гибридные славянско-албанские формы не отмечаются.

распространенная номинация среди славян Албании, ср., напр., Новик 2013 о Голоборде; Мангалакова 2008 и Тончева 2011 о Горе; к этому же автору для славянского диалекта Бобоштицы и Дреновы — *kajnas* ‘как мы’).

МЕТАЯЗЫКОВОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ФОРМУЛЬНЫЙ НАРРАТИВ

В (Макарецев 2017) я описал устойчивый формульный нарратив, который сформировался у одной из моих постоянных информанток в ответ на повторяющиеся вопросы исследователей:

- (2) EM: Seloto naše esti selo šo ima zborvano jeziko kajnas. **(I) Ne se znje od koga esti zborvan soj jezik.** Ime mnogo-mnogo-mnogo vjekovi šo esti zborvan. Seloto naš, l’uditi ot seloto naš ese so origina princovi. Āhā, tua. **(II) I svjeto selo zborvješe kajnas.** Jeziko naš nesti ni bulgarski, ni makedonski, toko esti kajnas. **(Ia) Esti mnogo jezik vet. Ne se znje od koga vjekovi se zborvi soj jézik.** I nadvor l’uditi ka zborvjeje “dobro utro”, “dobar den”, “dobar večer”, “kaj osunajte”, “kaj odite”, “šo rabotite”, **(IIa) svjeto selo zborvješe na jáziko kajnas.** Segā zborve, ese malo, petmina esme nie šo zborvime soj jazik. Ime dojdno tua mnogo l’udi, studjusi, ža do, šo da zborve i da najde od koga se zborvi soj jazik. Imame zborvaj... toko neme izvadeno nješ, od koga se zborvi soj jazik. <...>⁵

Daskala na kajnas nema pateno tua vo Boboštica. Jeziko esti naučen duke... e... duke zborvjenje. Nje vo daskala. Nie pišan’e. A so garciti ima bandjeno dvje daskale tua. Edna za čupe i edna za djeca. I sija, i interesojve sija studjusi vo, slavi šo grjede, kaj gu mate naučeno jeziko bez pisan’e. E, zborvjeme doma, u nas soj jezik se zborvješe. Otkoga se rodješe **(III) čjendoto i mu zborvjeje** “dobredojde”, mu veljeje čjendotu ka se rodješe, mu **veljeje našite babe, našjete mame**, “dobredojde”. “Mirëseardhe”.

‘Наше село — это село, которое говорило на языке кайнас. Неизвестно, с какого времени говорили на этом языке. На нем говорят много-много-много веков. Наше село, люди из нашего села по происхождению принцы. Ага, здесь. И всё село говорило на кайнас. Наш язык не болгарский, не македонский, но язык кайнас. Это очень старый язык. Неизвестно, с каких веков говорят на этом языке. И на улице, когда люди говорили

⁵ Пропущено около пяти минут: один из присутствующих прерывает нарратив Эльпи вопросом о влахах, за которым следует еще несколько.

“доброе утро”, “добрый день”, “добрый вечер”, “как спалось”, “куда идете”, “как дела”, всё село говорило на языке кайнас. Сейчас говорят, их мало, нас пятеро, которые говорят на этом языке. Сюда приезжало много людей, исследователей, чтобы поговорить и выяснить, с какого времени говорят на этом языке. Мы говорили... но они не нашли, с какого времени говорят на этом языке

Школы на кайнас в Бобоштице не было. Язык учили, говоря. Не в школе. Не через письмо. А при греках тут было две школы. Одна для девочек, одна для мальчиков. И эти, и эти исследователи интересовались, славянские, которые приезжают, «откуда вы выучили язык без письма». Ну, говорили дома, у нас на этом языке говорили. Когда рождался ребенок, и ему говорили «добро пожаловать», говорили ребенку, когда он рождался, говорили наши бабушки, наши мамы, «добро пожаловать». *Mirëseardhe* ‘Добро пожаловать’ (албанск.)’

(Запись Й. Линдстедта, 2014, Бобоштица).

Формулы «язык кайнас используется в селе с давних времен», «на этом языке говорили все жители», «на этом языке говорили родители с детьми» возникают в диалогах информанта с разными исследователями вновь и вновь (см. больше примеров в Макарецв 2017). Их совокупность можно рассматривать как устойчивый нарратив, периодически актуализирующийся в дискурсе информанта. Это комплексная формула особого рода, которая существует на уровне дискурса и реализуется в виде серии формульных высказываний. Ее функция — в сжатом виде передать информацию о языке сообщества, важную по мнению информанта.

МЕТАЯЗЫКОВОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ НА УРОВНЕ ПРЕСУППОЗИЦИИ

Высказывание может содержать метаязыковое комментирование и на уровне пресуппозиции:

- (3) ММ: A koja prava dobija devojka... Šta može da čini odnosno devojka koja dospeva za udaju? FR: Po. E... na srpski jezik. ED: Objasni mi na srpski jezik. ‘ММ: Какие права получает девушка... То есть, что может делать девушка, которая вступает в брачный возраст? FR: Да. Э, на сербском языке. ED: объясни мне это по-сербски’.

(ПМА Рет-Либфша 2013)

В этом примере я задаю сербам-мусульманам, переселенцам из Санджака в область Фиера в Южной Албании, вопрос из социолингвистического опросника (Плотникова 1996). Помимо того, что они не опознают стандартный язык — что ожидаемо, поскольку он не преподается в школе и они не имеют с ним прямого контакта, — отметим, что авторитет для языка относится не к ассерции, а к пресуппозиции, как часть общего знания. Для суждений о самоидентификации информантов такой вид комментирования значительно более показателен, чем перечисленные выше.

МЕТАЯЗЫКОВОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ И КОНСТРУКЦИЙ

Метаязыковое комментирование отдельных слов и конструкций часто осуществляется через устойчивые выражения, которые можно рассматривать как самостоятельные языковые единицы. Как было сказано выше, ситуация общения с исследователем выбивается из повседневных практик информантов. То, что в центре нашего общения находится их язык (как вы называете это? как вы говорите об этом?), обуславливает большее внимание к используемому языку и необходимость комментировать те или иные явления, которые при разговоре с членами своего сообщества в комментировании не нуждаются. Проиллюстрирую самый распространенный маркер — «так мы это говорим». Обычно он сопутствует двум разновидностям слов и предложений.

Либо это диалектное слово, которого, как информант предполагает, исследователь не знает:

- (4) MM: A što stana tua? Šo imješe na glavata toj? RM: A-a, e skāršen. E skāršena i e storena... *copë-copë, nuk e di*. Tralinče-tralinče, *thërimë-thërimë*. Tralinče **šo velime nie**, pana ozdolu i mu vele tralinče.

‘MM: А что тут произошло? Что у него было на голове? RM: А-а, он сломан. Она сломалась и превратилась... *copë-copë, nuk e di* (“в кусочки, не знаю”). В кусочки, *thërimë-thërimë* (“кусочки”). Кусочек, как мы говорим, она упала вниз и это называют “кусочек”’ (ПМА Дренова (Корча) 2013).

- (5) SB: *Kučeto gu ima kladeno glavata vo vázoto. Tashiti, čizmjete, ka mu velime nie, go ima, go ima vo glavata, a gore.*

‘SB: Собака засунула голову в вазу. *Tashiti* (‘теперь’), сапоги, как мы их называем, они у него на голове, вот, наверху’ (ПМА Бобоштица 2016).

Либо это албанское слово, заимствованное ad hoc (или воспринимаемое как заимствованное) для понятий, для которых информант не знает или не помнит славянской номинации.

- (6) EM: *Këta kanë gjetur këtu në pyll ndonjë... e formojnë vetë ata në pyll. Tashiti, nie mu velime koga ižljeze uliščata ot kofčeko, mu velime “roiti blea”.*

‘EM: Это они нашли вот здесь, какой-то... из них самих лес состоит. Теперь, мы это называем, когда вылетают пчелы из улья, мы это называем “пчелы стали роиться” (албанск.)’

(ПМА Бобоштица 2013).

- (7) VM: *E po, ka da veljam. Djali vajti, na... detjeto otide... NK: Pemë. VM: Vo pema, taka mu velime nie.*

‘VM: *E po* (‘ну’), как сказать... *Djali vajti* (“мальчик пошел”) на... мальчик пошел... NK: *Pemë* (‘дерево’). VM: На дерево, так мы это называем’

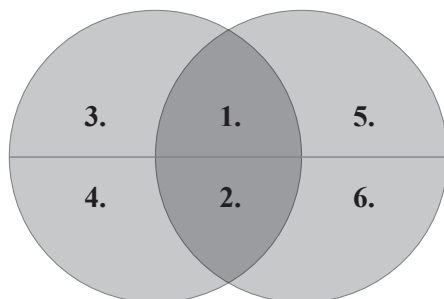
(ПМА Дренова (Корча) 2016).

По моему мнению, на употребление информантом маркера «так мы это называем» влияет моя позициональность и позициональность информанта. Мы оба двуязычны и владеем как албанским корчанским интердиалектом, так и славянским диалектом Бобоштицы-Дреновы. Информант проходил социализацию на обоих идиомах, диалект Бобоштицы-Дреновы для него является эритажным языком. Я выучил оба идиома во взрослом возрасте, при этом на албанском (в данном случае на корчанском интердиалекте) я могу осуществлять полноценную коммуникацию (хотя я и воспринимаюсь как чужой по ряду параметров), а для славянского диалекта мой уровень владения определяется сочетанием пассивных и активных умений (кроме того, в моем случае существует интерференция с другими диалектами и стандартными идиомами, прежде всего со стандартным македонским). Из этого следует, что, когда я играю активную

роль в коммуникации, я не всегда следую норме диалекта (пусть и вариативной в речи самого информанта), и в ряде случаев мне приходится формулировать свои вопросы на албанском языке. С другой стороны, эритажный диалект для информанта обычно имеет символическую ценность, но не представляет собой средства полноценного общения как минимум в течение последних нескольких десятилетий, а иногда и с детства или ранней юности.

В этой ситуации компетенции информанта и исследователя пересекаются, но остается значительная зона непересечения

Илл. 1. Языковые компетенции исследователя и информанта

Левый круг схематически изображает языковые компетенции информанта, правый круг — исследователя. Верхняя часть кругов относится к компетенциям в области албанского языка (1, 3, 5), а нижняя (2, 4, 6) — в области кайнас. Соответственно, зона 1 относится к пересекающимся компетенциям в области албанского языка, а зона 2 — к пересекающимся компетенциям в области кайнас. Зоны 3 и 4 — компетенции информанта в области албанского и кайнас (возможно, других славянских языков и диалектов). Зоны 5 и 6 — компетенции исследователя в области албанского и кайнас. Поскольку все носители диалекта являются эритажными говорящими, в ряде случаев исследователь может быть более компетентным (например, когда информант не может вспомнить слово из лексикона диалекта, известное исследователю от других информантов или из письменных источников, см. примеры 8 и 9). Очевидно, что существование зоны 6 информантом может не осознаваться. Относительный масштаб зон условный.

Как кажется, маркер «так мы это называем» сигнализирует следующее: информант предполагает, что языковой знак (обычно лексический) в сфере действия этого маркера не принадлежит области общего знания диалекта, то есть зоне 2 на иллюстрации. Иными словами, этот языковой знак или является албанским (зоны 1 и 3) ⁶, или является специфическим для кайнас явлением и неизвестен исследователю (зона 4).

В аспекте сказанного случаи, иллюстрируемые примером (8), могут вызывать вопрос: зачем маркер «мы так это называем» используется при несомненно славянском слове ⁺žaba.

- (8) SB: Tua esti ena čendo i ena komn... *kush ëshhtë*... MM: Kuče. SB: Kuče. MM: Dobre. Šo čine tie? Šo čine siez? SB: Pule? Soz, **nie mu velime žaba**, esti vo vazo, ne gledam dobre.

‘SB: Тут мальчик и одна... *kush ëshhtë* (‘кто это’)? MM: Собака. SB: Собака. MM: Хорошо. Что они делают? Что они делают? SB: Смотрят? Этот, мы его называем “жаба”, в вазе, я плохо вижу’ (ПМА Бобоштица 2016).

В качестве основания для интерпретации я приведу фрагмент разговора с другим информантом:

- (9) RM: Tua e eno kuče. Malečko. Ima ušiti goljemi i nodzjete. I eno detjeto tua. Doma ese. Noča. Zar eje... oti eje tua... nema salce i eje mesečinata. Ne znam ka mu vele tua što spi soj. Tua što e? Eje ena... MM: Vesh, veshje. MMh: *Rroba* e. Знаете ли го на кайнас? Ей такова, както е моето. RM: Ne znam. MM: Dobro. I toa — *bretkosa*. RM: Ne go znjem, ne go znjem, zaboravi to. MM: Dobro. RM: Čarv eje, *kribë*? MM: Ne, ne e čarv. RM: Zmija eje *gjarpër*, zmija. *Bretkosa* ne znem. MMh: E така скача. MM: I jede muvi, jede molci. RM: Muva nema tua. MM: Ne, taa jede. Taa može da pojede muva. MMh: И след дъжд мънички излизат. MM: Sedi vo blato. Znaete, na albanski znaete. RM: *Bretkosa* go znjëm je. Po albanski (g)o znjëm. Toko ka mu vele po jazikot naš ne go znjem. Go znjem je ščo saz je muve, pie: “Go-go-go”. MMh: А “жаба” чували ли сте? RM: Ščo? MMh: Жаба. RM: *Zhabë*. *Žaba* e po al’banski. *Zhabë* e *bretkosë*. Po albanski e. MM: Dobro. RM: Ma

⁶ И, возможно, будет опознан как таковой исследователем, поскольку соотношение зон 1 и 3 информанту неизвестно.

na ešče eno vele *zhabaroçkë*. MMh: Кой вика? RM: *Zhaba të vogla, zhabaroçkë*. A zhaba <...> mu vele *lopatka*. Ot ese sie. MM: Dobro. Da vidime što ima drugo.

‘RM: Тут собака. Маленькая. У нее большие уши и лапы. И мальчик тут. Они дома. Ночь. Разве это... потому что тут... нет солнца и есть луна. Не знаю, как называют то, где он спит. Тут что? Это... MM: (албанский:) Одежда. MMh: *Rroba* ‘одежда’. Вы знаете это на кайнас? Вот такая, как у меня. RM: Не знаю. MM: Хорошо. А это — *bretkosa* (‘лягушка’). RM: Я не знаю, я не знаю, я забыл. MM: Хорошо. RM: Это червяк, *kribë* (‘червяк’)? MM: Нет, это не червяк. RM: Змея это *gjarpër* (‘змея’), змея. Как будет *bretkosa* (‘лягушка’), я не знаю. MMh: Она вот так прыгает. MM: И ест мух, насекомых. RM: Здесь мух нет. MM: Нет, она ест. Она может съесть муху. MMh: После дождя еще маленькие такие вылезают. MM: Она в болоте сидит. Знаете, на албанском вы знаете. RM: Что такое *bretkosa* (‘лягушка’), я знаю. На албанском я это знаю. Но как это говорят на нашем языке, я не знаю. Я знаю, что она ест мух, говорит: “Ква-ква-ква”. MMh: А слово “жаба” Вы когда-нибудь слышали? RM: Что? MMh: “Жаба”. RM: *Zhabë* (‘лягушка’). *Žaba* — это по-албански. *Zhabë* (‘лягушка’) это *bretkosë* (‘лягушка’). Это по-албански. MM: Хорошо. RM: И еще одно называют *zhabaroçkë* (‘лягушонок’). MMh: Кто называет? RM: *Zhaba të vogla* (‘маленькие лягушки’), *zhabaroçkë* (‘лягушонок’). А лягушек <...> называют *lopatka* (‘головастики’). Потому что вот они. MM: Хорошо. Посмотрим, что еще есть’ (ПМА Дренова (Корча) 2016).

Слово ⁺*žaba*, являющееся славянским заимствованием в албанском и существующее и в кайнас («*ž'ába, grenouille*» — Mazon 1936: 455), не осознается как свое и поэтому включается в категорию *ad hoc* заимствований, которое помечается маркером «мы так это называем».

Перечисленные виды маркеров, наряду с собственно метаязыковым комментированием на уровне темы высказывания, играют существенную роль в выстраивании дискурса славян Албании в диалоге с исследователями. При их помощи говорящий заявляет об идентичности своей группы (примеры 1–3). Кроме того, с их помощью актуализируется внешний статус собеседника-исследователя (примеры 4–9).

Список участников интервью ⁷

	Пол	возрастная группа	образование	место рождения (проживания)	примечание
ED	М	40–49	среднее	Рет-Либофша	
EM	Ж	70–79	среднее	Бобошница	
FR	М	70–79	среднее	Рет-Либофша	
MM	М	30–39	высшее, к. ф. н.	Москва	исследователь
MMh	Ж	20–29	неполное высшее	София	исследователь, говорит с информантами по-болгарски
NK	Ж	30–39	среднее	Корча	невестка VM
RM	М	80–89	высшее	Дренова (Корча)	брат VM
SB	Ж	80–89	высшее	Бобошница	
VM	Ж	80–89	среднее	Дренова (Корча)	сестра RM

ЛИТЕРАТУРА

- Макарцев 2011 — *Макарцев М. М.* Проблема идентичности и система ценностей у носителей славянского говора *in statu moriendi* // Эволюция ценностей в языках и культурах / Отв. ред. И. А. Седакова. Москва: «Пробел», 2011. С. 151–168.
- Макарцев 2017 — *Макарцев М. М.* Идентичность и власть, перформанс и практика в полевом исследовании. К изучению балканославянских идиомов в неславянском окружении // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Этнокультурная и этноязыковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика. Москва: Языки славянской культуры, 2017. С. 261–294.
- Макарцев 2018 — *Макарцев М. М.* Да-формы в славянских идиомах Албании. К типологии албанско-славянских языковых контактов // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа

⁷ Анонимизированный, имена информантов заменены на индексы.

- 2018 г. Доклады российской делегации / С. М. Толстая (отв. ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 206–224.
- Мангалакова 2008 — *Мангалакова Т.* Нашенци в Косово и Албания. София, НИ-БА консулт, 2008.
- Новик 2013 — *Новик А. А.* Вопросы идентичности // Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. А. Н. Соболев, А. А. Новик (ред.). Санкт-Петербург; München: «Наука» / «Otto Sagner», 2013. С. 177–181. (Materialien zum Südosteuropasprachatlas, Bd. 6 / Hrsg. H. Schaller und A. Sobolev.)
- Пилипенко 2017 — *Пилипенко Г. П.* Метаязыковые высказывания старообрядцев Латгалии // Славянский альманах 2017. Вып. 3–4. М., 2017. С. 380–407.
- Плотникова 1996 — *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического исследования балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996.
- Тончева 2008 — *Тончева В.* Живот на граница (Голо Бърдо, Гора и Мала Преспа, Република Албания) // Български фолклор 2, 2011. С. 14–23.
- Bucholtz, Hall 2004 — *Bucholtz Mary, Hall K.* Chapter 16. Language and identity // A companion to linguistic anthropology / Duranti A. (ed.). Blackwell, Oxford, Carlton: Blackwell 2004. P. 369–394. DOI: 10.1002/9780470996522.ch16
- Hayashi, Raymond, Sidnell 2013 — *Hayashi M., Raymond G., Sidnell J.* Conversational repair and human understanding: an introduction // Conversational Repair and Human Understanding / Hayashi M., Raymond G., Sidnell J. (eds). Cambridge: Cambridge University Press. (Studies in Interactional Sociolinguistics). P. 1–40. DOI:10.1017/CBO9780511757464
- Mayer 1969 — *Mayer M.* Frog, where are you? Sequel to A boy, a dog and a frog. New York: Dial Books for Young Readers (a division of Penguin Putnam Inc.), 1969.
- Mazon 1936 — *Mazon A.* Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud. Paris: Librairie Droz, 1936. (Bibliothèque d'études balkaniques — V.)
- Strömqvist, Verhoeven 2004 — *Strömqvist S., Verhoeven L.* (eds.). Relating events in narrative. Volume 2: Typological and contextual perspectives. Mahwah, NJ; London. Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2004.

Maxim Makartsev (Moscow/Oldenburg)

METASPRACHLICHE KOMMENTIERUNG IN DER SLAVISCHEN REDE IN ALBANIEN

ZUSAMMENFASSUNG: In diesem Artikel werden folgende Arten des metasprachlichen Kommentierens in der slavischen Rede in Albanien untersucht:

Sprachbezeichnungen, komplexe narrativ-strukturierende Formeln, sprachliche Präsuppositionen, metasprachliche Markierung von einzelnen Wörtern und Konstruktionen, die durch die gemeinsamen/unterschiedlichen Sprachkompetenzen des Sprechers und des Interviewers bedingt sind.

SCHLÜSSELWÖRTER: metasprachliche Kommentierung, Slaven in Albanien, Sprachinseln, Textstruktur, Identität.

ZUM AUTOR: Maxim Maximovich Makartsev, Kandidat der philologischen Wissenschaften (Ph. D.), wissenschaftlicher Sekretär des Zentrums für Sprachkulturelle Forschung BALCANICA. Wissenschaftlicher Obermitarbeiter des Instituts für Slavistik, Russische Akademie der Wissenschaften. Wissenschaftlicher Mitarbeiter des Instituts für Slavistik, Carl von Ossietzky Universität Oldenburg. Email: maxim.makartsev@uni-oldenburg.de

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается несколько видов металингвистического комментирования в славянской речи Албании: языковые номинации, комплексные формулы, которые структурируют нарративы, языковые пресуппозиции, метаязыковое маркирование отдельных слов и выражений, обусловленное общими/различными языковыми компетенциями информанта и исследователя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метаязыковое комментирование, славяне Албании, языковые острова, структура текста, идентичность

ОБ АВТОРЕ: Максим Максимович Макаревич, к. ф. н., ученый секретарь Центра лингвокультурных исследований Balcanica, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Научный сотрудник Института славистики, Университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург. Email: maxim.makartsev@uni-oldenburg.de